

заблуждении или же нет, но обманываете и оговариваете меня, руководствуясь только личной волей или, скорей, по произволу, навлекая опасность и многие кривотолки с ущербом положению моему и моего ордена. И чтобы опорочить меня еще больше, Вы часто призываете братьев моего ордена¹⁴⁶³, весьма подозреваемых самим этим орденом по хорошо известным причинам, которые, будучи запятнаны позором собственных дел, подтверждают сие перед Вами, желая коснеть в своих прегрешениях, законно не обличенных решениями их судей; и в этом, навлекая позор и бесчестие на положение мое и моего выше упомянутого ордена, Вы недопустимым образом поддерживаете тех, на чьи лжесвидетельства Вы полагаетесь больше, чем на мою невиновность и чистоту, которую я готов доказывать и возвещать перед высшим Понтификом и всею Церковью. Вы же, не обращая внимания на упомянутое, необдуманно заставили меня явиться перед Вами в нынешнюю субботу по названной причине, чтобы умалить достоинство указанного ордена и мое, хотя, по мнению добрых людей и всех вообще, я всегда пользовался доброй славой, каковой доброй славе Вы, в соответствии с правом, должны были внимать больше, чем противоположному ей, и тогда бы Вы не обрели во мне основания для такой склонности к оному пресловутому делу. Поскольку по поводу означенных тезисов или подобных им в недавнее время уже проводилось достаточное расследование и надлежащее разбирательство благочестивым мужем братом Николаем¹⁴⁶⁴, специальным указом господина высшего Понтифика викарием, и так как не подобает по причине сказанного, как утверждает право, несколько раз проводить дознание по поводу одного и того же, то Вы в названном простерли против меня руку и серп на чужую жатву¹⁴⁶⁵, чего не должны были или не смели [делать] из-за упомянутого. Посему, на основании сказанного полагая, что я Вами опорочен и что могу быть опорочен еще больше, и не только я, но также и мой выше упомянутый орден, я обращаюсь в этой грамоте к святому апостолическому Престолу, подчиняя себя его решению в том, о чем следует речь, и вновь и вновь настоятельно требую отношение, имея в виду сию апелляцию и вручая Вам, названным комиссарам господина моего архиепископа кельнского, в качестве и вместо крайнего срока названного расследования упомянутую апелляцию для ее передачи в римскую Курию¹⁴⁶⁶, и даю Вам время до завтра, воскресенье "Восславьте"¹⁴⁶⁷, призывая во свидетельство указанного отдельных собравшихся здесь людей, и особенно Вас, Германна, именуемого Раце, и Бартоломея из Бохорста, присутствующих здесь общественных нотариусов». Когда же все это было прочитано, достопочтенный муж магистр Годфрид из [монастыря] святого Куниберта, каноник кельнской церкви, от имени и по настоятельному указанию упомянутых инквизиторов, изъявляющих свою волю и поручающих сие, ответил указанному апеллянту, что упомянутые господа инквизиторы готовы предоставить ему отношение в связи с оной апелляцией и что ввиду этого они назначают ему предпоследний день юридического срока для получения от них отношения в связи с достопамятной апелляцией. Совершено сие в комнате, расположенной у нижнего зала капитула кельнской церкви, спустя час после заупокойной мессы, отслуженной в той же самой церкви, в присутствии достопочтенных и благочестивых мужей: магистра Сиберта, провинциала Тевтонии в нижней Германии, брата Генриха де Аквила, бакалавра теологии, магистра Иоанна Фогеле, брата Тильмана из Люксембурга, лектора сентенций из кельнского монастыря ордена блаженной Марии с горы Кармель, и брата Хугона, главного лектора, брата Иоанна из Моирсберга из кельнского монастыря ордена блаженного Августина, брата Ламберта, лектора миноритов, и брата Романа из кельнского монастыря ордена миноритов, брата Иоанна, приора из Грайфенштайна, [а также] брата Теодорика из Вормса, брата Германна де Суммо, брата Иоанна Младшего и брата Иоанна из Дамбаха из кельнского монастыря ордена проповедников и прочих весьма многочисленных достойных доверия свидетелей, призванных и приглашенных для означенного.